

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

РАСПИСНОЙ СКЛЕП АНФЕСТЕРИЯ В КЕРЧИ¹

PAINTED CRYPT OF ANTHESTERIUS IN KERCH

История открытия и устройство склепа. Каждый из расписных склепов Боспора Киммерийского по своему уникален, ни один из них не повторяет другой. Склеп Анфестерия, сына Гегесиппа, в этом отношении особенно примечателен. Он был открыт в 1877 г. на северном склоне горы Митридат, но опубликованная информация об этом археологическом открытии, к сожалению, очень кратка и не во всём понятна [ОАК, 1877, с. XIII–XV; 1878–1879, с. 5–10; Кулаковский, 1896, с. 8; Шкорпил, 1912, с. 72–74]. Рукописные документы Научного архива ИИМК РАН содержат не так много материалов, которые могли бы существенно дополнить наши знания об этой гробнице, тем не менее, обстоятельства открытия в них обрисованы довольно подробно.

Прежде всего надо сказать, что 17 мая 1877 г. в Керченском музее получили распоряжение из Императорской археологической комиссии с требованием прекратить раскопки по причине начавшейся войны с Турцией [см. также: Виноградов, 2012, с. 143]. Это распоряжение было неукоснительно выполнено, но когда «один из опытейших разыскателей катакомб с фресками, керченский мещанин из цыган Мамет Орзали Оглу, оставшийся без заработков, обратился в Музей с просьбою дозволить ему продолжать разыскания на горе Митридатовой на счастье, то Музей, имея в виду пользу, могущую произойти от этих разысканий и занятия ими надсмотрщиков, остающихся без дела, разрешил ему приступить к ним согласно известным условиям и правилам» [НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1877 г. Д. 8. Л. 31]. Получив такое разрешение, Мамет Орзали Оглу приступил к раскопкам на северном склоне горы Митридат и открыл там несколько катакомб. Одна из них была гробница Анфестерия.

Вот что директор Керченского музея записал об этом в своём «Журнале раскопок» (там же. Л. 32–33):

«11 июня. На глубине 7 ½ аршин от поверхности насыпи, другая, меньших размеров катакомба № 24-й, длиною и шириною 3 ¾, высоту 2 ½ аршина, с 3-мя большими стенными углублениями в ней для покойников и 3-мя небольшими нишами.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Катакомба эта оказалась также разорённую, через сквозное отверстие, пробитое в стене ея, несколько выше заставной плиты, которая была заметно тронута. Галерея, ведущая в неё, имела чрезвычайно малые размеры, простираясь в длину на 1 ¼, ширину 1 и высоту 1 ½ аршина. Впрочем, при костях остовов, лежащих в крайнем беспорядке на полу и в стенных углублениях описанной катакомбы, кроме 1 горшочка из чёрной глины с грубою вокруг шейки его резьбою и 2-х стеклянных сосудов в обломках, ничего уцелевшего от расхищения не найдено.

Зато в западной стене ея, не занятой никакими углублениями, возле упомянутой галереи, оказался внизу грабительский пролом, посредством которого они сообщались с другою, смежною с ними катакомбою № 25-й, хотя разорённую, но гораздо обширнейшею и украшенною на стенах ея, с трёх сторон, весьма интересною живописью, несмотря на значительное повреждение сей последней. Вновь открытая катакомба простиралась в длину от В к З на 9 аршин, в ширину от С к Ю, с восточной стороны 4 арш. 6 вершк., с западной, украшенной фресками 5 арш. 2 вершк. и в высоту от скалистого пола до коробового свода ея, высеченного в крепко-глинистом грунте и не имеющего никакой живописи 3 ¼ арш. Стены ея в уровень с плечами свода были украшены в виде карниза одною широкою полосою коричневатого или бурого цвета, ниже которой поверхность их представляла несколько рядов параллелограммов, правильно очерченных и расположенных наподобие каменной кладки; причём 3 из этих стен, две продольные и одна поперечная (с западной стороны), имели каждая посередине небольшую нишу с полукруглым сводом. Галерея, ведущая в эту катакомбу, находилась с северной стороны ея, возле северо-западного угла; она имела такую же полукруглую нишу и простиралась в длину на 2, ширину 1 ½ и высоту 2 ½ аршина, была замкнута извне одною плотно приставленною к ней плитою из целого известкового камня. Почти такой же ход или, вернее, второй грабительский пролом оказался и в западной стене ея, возле того же угла; причём последний, хотя и замыкался плитою, но она была опрокинута, и позади ея находилась мина, из которой сыпалась земля. Что же касается фресковых изображений, находящихся на стенах означенной катакомбы, то, начинаясь на северной стене ея, с левой стороны от упомянутой галереи и переходя на западную, где над полукруглою нишею шириною 9, высоту 11 и глубину 5 вершков находится следующая, вырезанная в крепко-глинистом грунте надпись:

ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΣ ΗΓΗ
 ΣΠΠΟΥ Ο ΚΑΙ
 ΚΤΗΣΑΜΕΝΟΣ

Они (росписи – Ю.В.) кончаются на южной стене в небольшом расстоянии от юго-западного угла. (Рисунки этих фресок будут представлены по изготовлении). Впрочем, опустошение этой катакомбы было так велико, что при расследовании находящегося на полу ея небольшого количества земли, никаких в ней остатков от гробов и человеческих костей не обнаружено. Только в одной из боковых ея ниш найдена одна простая, средней величины чаша из простой глины и возле пролома 1

женская бронзовая головка. За открытие описанных 2-х катакомб и за труды при расследовании их выдано Мамету Оразали Оглу в вознаграждение 11 руб. 75 коп.».

Вот так была обнаружена и исследована ныне столь знаменитая катакомба Анфестерия. Надо признать, что практика раскопок «на счастье», но под надзором сотрудников Керченского музея использовалась не только А.Е. Люценко, но и К.Е. Думбергом [Виноградов, 2012, с. 216–217]. В данном случае, однако, представляется, что денежное вознаграждение, выданное Мамету Оразали Оглу за столь замечательное открытие, было слишком скромным.

Теперь об устройстве гробницы Анфестерия (катакомбы № 25, как она названа в отчёте А.Е. Люценко). Наглядно представить её конструкцию помогает рисунок на виньетке, помещённой на заглавном листе «Отчёта ОАК за 1877 г.» (рис. 1). Это изображение позволяет признать, что склеп имел четырёхугольную форму; длинной стороной он был ориентирован по линии З–В, длина гробницы составляла 6,4 м. Ширина по восточной стене достигала 3,1 м, по западной, на которой находилась основная часть росписи, – 3,6 м. Высота достигала 2,3 м. Вход в гробницу находился с северной (длинной) стороны, при этом не по её центру, а ближе к северо-западному углу. Размеры входа составляли 1,8 × 1,1 м, длина «галереи» – всего 1,4 м. С внешней стороны он был закрыт каменной плитой. В западной стене находился грабительский пролом, который, как это ни странно, тоже был закрыт каменной плитой, но «она была опрокинута, и позади ея находилась мина, из которой сыпалась земля». Из трёх ниш, вырубленных в стенах склепа, в отчёте приведены размеры лишь одной, находящейся в западной стене, под надписью Анфестерия – 0,49 × 0,40, глубина – 0,22 м.

С огромным сожалением следует напомнить, что к 1894 г. росписи склепа Анфестерия были уничтожены владельцем земли, на которой этот замечательный памятник находился [Кулаковский, 1896, с. 8, прим. 3; Шкорпил, 1911, с. 81; Иванова, 1961, с. 26-27]. В распоряжении исследователей остались лишь краткое описание катакомбы и копия росписей, сделанная Ф.И. Гроссом [ОАК, 1878–1879, Атлас, табл. I], при этом у нас нет уверенности, что художник исполнил эту копию с фотографической точностью, к тому же мы не знаем, где хранится её подлинник. Во всяком случае, в Научном архиве ИИМК РАН он отсутствует.

Копия Ф.И. Гросса была многократно воспроизведена в различных научных изданиях. Обращаясь к ней ещё раз, следует признать, что орнаментальная композиция склепа Анфестерия в высшей степени любопытна. К примеру, на ней нет изображения загробного пира, батальных сцен, сакрального неба, взирающей с него богини и пр., что можно видеть в росписях других боспорских гробниц.

Характер росписей склепа. Хрестоматийное описание этой гробницы было сделано М.И. Ростовцевым в его непревзойдённой публикации, посвящённой античной декоративной живописи Северного Причерноморья [Ростовцев, 1913–14, с. 170–182]. Правда, практически в то же время вышла знаменитая книга Э. Миннса, на страницах которой уделено внимание и этому памятнику [Minns, 1913, p. 312].

Все остальные исследователи так или иначе повторяли и до сих пор повторяют сказанное М.И. Ростовцевым [Гайдукевич, 1949, с. 400, 402–404; Ернштедт, 1955, с. 258; Gajdukevič, 1971, S. 433–435]. Орнаментальная схема склепа состоит из трёх ярусов. Над полом идёт полоса цоколя, выше которого изображены ряды каменной кладки. Поверх неё была проведена широкая полоса коричневой краски. Главное изображение (всадники, сидящая женщина, шатёр) находилось выше этой полосы, в люнетке западной стены, расположенной справа от входа в катакомбу, но начать будет правильнее не с него, а с композиции, расположенной рядом с входом в склеп Анфестерия.

На северной стене усыпальницы, на простенках, соседствующих с входом, представлены две фигуры (рис. 2). На западном простенке был изображён Гермес в длинном одеянии с кадуцеем в левой руке и кошельком в правой. Это божество считалось не только покровителем торговцев, но и «проводником душ» (психопомпом), так что появление его изображения рядом с входом в гробницу вполне объяснимо. На восточном простенке изображена явно женщина, правой рукой удерживающая кадуцей. М.И. Ростовцев допускал, что эта фигура представляет женский коррелят Гермеса [Ростовцев, 1913–14, с. 180]. Не исключено, однако, что Ф.И. Гросс, делая копию этой росписи, допустил здесь ошибку, и на самом деле в руках у женщины был не кадуцей, а другой предмет (к примеру, рог изобилия), но утверждать это с уверенностью, конечно, нельзя.

Напротив входа в склеп, на его южной стене, представлено условное изображение дерева, по обе стороны от которого стоят две лошади без сёдел, одна из которых окрашена зелёной краской, а другая – коричневой (рис. 3). Гнедая масть лошади является вполне естественной, а вот зелёная вызывает некоторое удивление.

Главная орнаментальная композиция, как уже было сказано, находилась в люнетке западной стены (рис. 4). Без всякого преувеличения можно сказать, что она уже давно стала хрестоматийно известной. В левой её части представлено дерево с висящим на нём горитом. Справа от дерева находится шатёр, который обычно называют юртой, что абсолютно не верно. Вход в него открыт, так что внутри видны две сидящие фигуры. Со стороны дерева к шатру прислонено длинное копье. С другой стороны изображена женщина, сидящая в деревянном кресле. По обе стороны от неё расположены фигурки слуг, представленные в уменьшенном масштабе. Справа к шатру подъезжает безбородый всадник, который левой рукой удерживает поводья, а в правой сжимает кнут, кнотовище которого прижато к рукояти. На поясе этого всадника висит изогнутый меч. Далее следует ниша, над которой вырезана надпись: «Анфестерий, сын Гегесиппа, он же Ктесамен» [КБН, 302]. Правее ниши изображён ещё один всадник с длинным копьем в правой руке. Он ведёт на поводу вторую (заводную) лошадь. Третья лошадь идёт за ним, но она представлена не полностью, поскольку роспись здесь нарушена грабительским проломом.

На квадрате каменной кладки, расположенном непосредственно под шатром, изображён пиршественный стол на трёх витых ножках. На нём поставлен кувшин и две

чаши. Слева от стола стоит слуга, в правой руке он держит сосуд с высоким горлом. Эта сцена, отделённая от основной композиции, имеет важное значение для понимания общего смысла росписи склепа, но об этом позднее.

Датировка склепа. Гробница Анфестерия, как уже говорилось, была ограблена, поэтому для её датировки нет возможности использовать содержащиеся в ней археологические находки. Не удивительно, что гробницу датируют по-разному. М.И. Ростовцев относил её к последним десятилетиям I в. до н.э. или первым десятилетиям I в. н.э. [Ростовцев, 1913–14, с. 182]. М.М. Кобылина предложила удревнить датировку до I в. до н.э. [Кобылина, 1984, с. 215], а вот С.А. Яценко, напротив, считал возможным омолодить её до второй половины I в. н.э. [Яценко, 1995, с. 188]. Надёжных оснований для таких уточнений, на мой взгляд, нет. Хронологическая атрибуция, предложенная М.И. Ростовцевым, остаётся наиболее адекватной. С одной стороны, вполне очевидно, что роспись склепа сохранила характерную особенность традиции эллинистического времени – имитацию каменной кладки на стенах. С другой стороны, её никак нельзя датировать поздним I или II в. н.э., поскольку здесь отсутствуют признаки характерного для этого времени цветочного стиля с типичным для него изображением сплошного покрова из растительных побегов, листьев и лепестков.

Рационалистические объяснения главной орнаментальной композиции. В данном случае, конечно, имеется в виду сцена, представленная на западной стене, с изображением всадников, сидящей женщины, шатра и т.д. (рис. 4).

Общее направление интерпретации главной росписи склепа, расположенной в западной люнетке, было задано в первой посвящённой ему публикации в «Отчёте Императорской археологической комиссии»: «На ней изображены, главным образом, различные семейные и бытовые сцены, как то: большая палатка; сидящая на высоком кресле женщина, возле которой стоят дети; вооружённые всадники; отдельные женские фигуры; лошади без всадников и т.д.» [ОАК, 1877, с. XV]. Л.Э. Стефани в своём традиционном «Объяснении некоторых художественных произведений» высказался ещё более определённо: «Главный рисунок изображает обыденную жизнь Анфестерия, которую он согласно обычаям туземных скифов проводил среди своей семьи и своих коней в одной из обширных степей Южной России. Поэтому жилище его заключается не в каменном строении, а в буром шатре, который удобно мог передвигаться с одного места на другое и, по всей вероятности, состоял из звериных шкур или войлока» [ОАК, 1878–1879, с. 6].

После столь авторитетных суждений эта интерпретация надолго стала общепринятой. И.И. Толстой и Н.П. Кондаков не внесли в понимание орнаментальной композиции ничего нового: «Живописная роспись изображает обыденную жизнь хозяина в степях Южной России и по обычаям туземцев; жилищем служит здесь изображённый войлочный шатёр; рядом с шатром под открытым небом сидит хозяин с детьми, в стороне пасутся кони; хозяин возвращается из степи домой, его оружием служит малый скифский лук и скифский горит» [Толстой, Кондаков, 1889а,

с.32–33; ср. Кулаковский, 1896, с. 8]. Много лет спустя М.М. Кобылина писала почти то же самое, признавая, что сцена представляет реальную обстановку жизни умершего знатного боспорца. «Изображена войлочная большая палатка, сидящая около неё женщина и дети. К палатке скачут вооружённые всадники» [Кобылина, 1984, с. 21]. И это всё, на что уважаемая исследовательница решила обратить внимание читателей!

М.И. Ростовцев от такого сугубо реалистического понимания боспорских погребальных росписей тоже ушёл не очень далеко: «В сценах идиллических перед нами <предстаёт> деревенская жизнь погребённого; но это не деревня грека, не деревня клеруха или георга-виноградара (напр., Херсонеса IV–III вв. до Р. Хр.). Перед нами земледелец и коневод степного типа, конный помещик и воитель, с оружием в руках охраняющий свои табуны и, вероятно, свои запашки. Живёт он в степи в кибитке или юрте, очевидно, не весь год, а только в хозяйственный сезон; в юрте с ним в это время и вся семья, – жена и дети, рабы и оруженосцы, всегда сопровождающие своего конного хозяина. Но не одна идиллия и мирный сельский труд ждут керченского рыцаря в степи. С оружием в руках во главе своей дружины приходится ему отстаивать свою юрту и своих коней против набегов конных и пеших степняков и горцев. Эта последняя черта особенно характерна. Перед нами настоящий рыцарь-феодал со своим личным войском конным и пешим, отстаивающий на собственный страх своё достояние <...>» [Ростовцев, 1912, с. 117]. Другими словами, эта мысль повторена и в «Античной декоративной живописи» – идиллическая картина, изображённая на стене склепа, навеяна жизнью пантикапейского «помещика» в степи, среди своих табунов [Ростовцев, 1913–14, с. 180].

Несколько странным при этом выглядят другие суждения М.И. Ростовцева, которые, на мой взгляд, являются абсолютно верными. В статье, посвящённой склепу 1891 г., он отметил: «Если греческие колонии северного побережья Чёрного моря сравнительно бедны памятниками религиозного культа, которыми так богаты Греция и Малая Азия, – руинами храмов, вотивными рельефами и надписями, то тем богаче одна из них, именно Керчь (др. Пантикапей), и её область живописью религиозного содержания» [Ростовцев, 1911, с. 119]. В статье о боспорских курганах М.И.Ростовцев столь же справедливо писал, что пантикапейские росписи «говорят нам, главным образом, о верованиях пантикапейцев, об их исключительно сильной вере в загробную жизнь; в этой области они свидетельствуют частью о проникновении их мистикой элевсинских таинств; частью о переживаниях в их среде героических представлений, перенесённых и в загробную жизнь. Рядом с богами элевсинского круга, сценами похищения Кору, поисков Деметры, рядом с изображениями мистически-просветлённых и обожествлённых покойников мы имеем шаблонные сцены из области представлений о покойниках, как о героях: и сцену трапезы, и сцену выезда, и сцены боя, и сцены охоты» [Ростовцев, 1912, с. 116–117]. Для меня остаётся непонятным, почему столь тонкий и великолепно эрудированный исследователь не соотнёс всех этих верных суждений с росписью склепа Анфестерия.

Давнюю историю имеет попытка видеть в росписи склепа Анфестерия не отра-

жение жизни боспорского «помещика», а картину быта сарматов в причерноморских степях (Толстой, Кондаков, 1889б, с. 61; Minns, 1913, p. 121, n. 7). Весомым поводом для такого понимания является изображенный здесь шатёр, который обычно считают юртой. М.И. Ростовцев называл это сооружение по-разному – палаткой, юртой и даже кибиткой (Ростовцев, 1913–14, с. 172–174). Л.Г. Нечаева считала, что юрта принадлежала знатному кочевнику (Нечаева, 1975, с. 14; ср. Засецкая, 2008, с. 6). В связи с этим закономерно возникает вопрос – почему столь показательный атрибут кочевнического быта появился в росписи склепа, находившегося в некрополе столицы Боспорского государства? Ответ на него попытался дать В.Ф. Гайдукевич. Он писал: «Может быть, в этом проявилось желание подчеркнуть ту степную обстановку, в которой протекала походная жизнь воина Анфестерия. Но возможно и другое предположение, а именно, что сам Анфестерий или его ближайшие предки вели когда-то кочевой или полукочевой быт, будучи представителями варварской знати, той её части, которую экономические и культурные преимущества жизни в городах Боспора соблазнили настолько, что они охотно туда переселялись, эллинизировались там, вливаясь в состав верхнего социального слоя Боспорского государства» (Гайдукевич, 1949, с. 404). Возможно, всё так и было, но при этом смущает лишь одно – греческое имя и отчество владельца гробницы, обозначенное в имеющейся там надписи.

Сразу надо отметить, что шатёр, изображённый на росписи, никак нельзя назвать юртой по той причине, что он не имеет разборного решетчатого каркаса, да и в плане это сооружение, как представляется, имеет не круглую, а четырёхугольную форму. Настоящая юрта появляется у степняков в середине I тыс. н.э. (Вайнштейн, 1976, с. 46; Крюков, Курылёв 2000, с. 13; Васильева, 2000, с. 23). Скифы, сарматы, гунны и др., как показал С.И. Вайнштейн, юрты не знали, они пользовались либо кибитками, либо шалашами на каркасах. В данном случае прекрасно видны жерди каркаса, выступающие из верхнего отверстия шатра, что, скорей, характерно для чума, но никак не для юрты (Вайнштейн, 1976, с. 43–44). Тем не менее есть основания полагать, что скифский шатёр можно рассматривать как прототип классической юрты (Кузьмина, Лившиц, 1987, с. 250).

Не исключено, что в изображённом на росписи шатре можно усмотреть некоторое сходство с «чёрными шатрами» кочевников, известными, прежде всего, в Северной Африке (см. Штайн, 1981). Одной их разновидностью является *гедан* – жилище бедунов (Гафферберг, 1964), изученное на материалах Туркмении (Винников, 1952, с. 91–92; Гафферберг, 1960, с. 116; 1969, с. 86). Покрытие этих шатров, состоящее обычно из четырёх полотнищ, крепилось на трёх рядах вертикально стоящих жердей, из которых центральный ряд был самым высоким. Это придавало верхней части гедана коническую форму. Верх у таких шатров, однако, не открывался, что отличает их от шатра, изображённого в склепе Анфестерия. В гедане для выхода дыма просто устраивали отверстие в любом месте покрытия (Гафферберг, 1964, с. 6).

Пример, связанный с трактовкой данного шатра, несмотря на все возникающие в связи с этим сомнения, ещё раз убеждает в том, как много информации о реалиях

культурной жизни Северного Причерноморья первых веков н.э. можно разглядеть на росписях боспорских склепов. Особенности одежды представленных на них персонажей, детали конной упряжи, виды вооружения, мебели, типы посуды и т.д. – всё это привлекало, привлекает и будет привлекать пристальное внимание исследователей. Однако не все опыты такого рода можно признать в полной мере удачными. Д.А. Скобелев, к примеру, на основе росписей склепа Анфестерия сделал попытку рассчитать длину сарматских копий (Скобелев, 2004а; 2004б). Его попытку никак нельзя признать удачной (Симоненко, 2010, с. 79-80), поскольку любому непредвзятому наблюдателю понятно, что характерной особенностью этой и других боспорских росписей первых веков н.э. является разномасштабность представленных на них изображений.

Все эти споры по поводу отдельных деталей росписи склепа не должны заслонять от нас фундаментального вопроса: кем был погребённый здесь Анфестерий? Допустимо ли видеть в нём боспорского аристократа – эллина, или же логичней считать, что он был выходцем из сарматской среды, предки которого перебрались на Боспор?

О пределах варваризации. Надо признать, что археологи былых времён относились к решению вопроса об этнической принадлежности богатейших погребений Боспора Киммерийского более смело и свободно, чем это делают сейчас. Напомню в связи с этим суждения некоторых исследователей по поводу погребения, открытого в кургане Куль-Оба. Многим представлялось вполне очевидным, что гробница принадлежала не знатному скифу, а боспорскому царю. Так, к примеру, полагал, Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 219–222], а вслед за ним и А.Б. Ашик [Ашик, 1848, с. 38-39; 1850, с. 138]. Г.И. Спасский также считал более вероятным, что в Куль-Обе был погребён один из боспорских царей, позаимствовавший от подчиненных ему скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» [Спасский, 1846, с. 120]. Сходной трактовки придерживался Ф.А. Жиль, рассматривавший этот памятник как усыпальницу Левкона I или его отца Сатира [ДБК, с. XLVI, но ср. Жиль, 1861, с. 56]. Варварские черты погребального обряда и инвентаря он объяснял тем, что владыка Боспора по политическому расчету был вынужден принять «одежду и обычаи народа, над которым он утвердил свое господство» [ДБК, с. XLVIII]. Такую смелость выводов позднее мог себе позволить лишь М.И. Ростовцев [Rostowzew, 1913, p. 15, но ср.: Ростовцев, 1925, с. 382], а совсем в недавнее время – Н.Ф. Федосеев [Федосеев, 2017, с. 30-31].

Для прояснения ситуации стоит обратиться к истории совсем другого народа и к совсем другой эпохе. Речь пойдёт о европейцах, осваивавших просторы Нового света. Сильное варваризирующее воздействие на них, как это ни покажется странным, оказывала культура индейцев. Историк Т. Тернер, досконально изучивший этот вопрос, пришёл к весьма любопытному заключению [Turner, 1921, p. 3-4], которое большое впечатление произвело на Арнольда Тойнби. Приведу длинную цитату из его знаменитого сочинения [Тойнби, 1991, с. 388]:

«В американских поселениях можно наблюдать, как европейские поселенцы

меняли свой образ жизни под воздействием местных условий. На ранних ступенях истории ещё прослеживается развитие тенденций, заложенных европейским развитием. Наиболее быстрая и эффективная американизация происходит на границе. Дикость захватывает колониста. Она захватывает его, европейски одетого, вооружённого промышленными средствами и другими атрибутами цивилизованной жизни. Из железнодорожного вагона она пересаживает его в берестяное каноэ. Она снимает с него цивилизованные одежды и облекает в охотничью куртку и мокасины. Жилищем его становится бревенчатая хижина с традиционным индейским палисадом. Он уже по-индейски возделывает землю, осваивает устрашающие воинственные выкрики и не хуже индейца снимает скальпы с врагов. Короче говоря, пограничное окружение диктовало свои условия. Человек должен был принять их или погибнуть. Постепенно поселенец преобразует окружающую его пустыню; но делает он это на основе нового опыта... Можно считать непреложным факт, что результаты его деятельности имеют специфически американские черты».

Оценивая такое заключение, имеются основания предположить, что и на боспорском пограничье могли иметь место подобные явления, когда некоторые греческие семейства перенимали систему хозяйствования кочевых соседей. Соответственно, приведённую выше историческую картину, которую красочно нарисовал М.И. Ростовцев, можно признать отчасти соответствующей реальной ситуации. С другой стороны, принимая такую интерпретацию, мы закономерно сталкиваемся с серией вопросов, ответы на которые в высшей степени сложны. Главный среди них – куда боспорский аристократ гонял свои стада? Вряд ли он ограничивался территориями Керченского и Таманского полуостровов, а, выходя за их пределы, необходимо было иметь какие-то договорённости с вождями номадов, во владения которых боспоряне вторгались. Но здесь мы невольно касаемся сферы, так сказать, высокой политики тех времён, о которой почти ничего не знаем.

Нельзя сомневаться в том, что боспорский художник, работавший над росписями склепа, как и его заказчики, даже если они были далеки от практики кочевнического быта, прекрасно знали реалии степной жизни. Их особенности выражены здесь вполне достоверно. Зададимся, однако, другим вопросом – не скрывается ли за этой картиной «обычной» жизни некий глубинный смысл, уместный в контексте погребального комплекса? Нельзя ли здесь найти проявление того сияющего света, которым люди во все времена стремятся осветить мрак смерти? Имеется в виду, конечно, посмертная судьба героя, о которой так хорошо сказал М.И. Ростовцев (см. выше), но не счёл возможным проследить её на примере росписи данной гробницы.

Имеется ли здесь сармато-аланский сюжет? С.А. Яценко, изучая росписи склепа Анфестерия, пришёл к весьма неожиданным выводам [Яценко, 1995], заслуживающим краткого рассмотрения. Прежде всего, он высказал догадку, что первоначально гробница принадлежала одному из эллинизированных аланских вельмож (этим, вероятно, объясняется предложенная им поздняя датировка погребального комплекса – вторая половина I в. н.э., когда в районах Приазовья была установлена

гегемония аланов). Затем склеп отошёл к некоему Анфестерию, но росписи в нём остались неизменными, связанными с культурой сармато-аланского мира. Можно согласиться с С.А. Яценко, что представленные здесь изображения нельзя напрямую выводить из греко-римских, малоазийских или фракийских традиций. Росписи бо-спорских склепов действительно очень самобытны, но поздняя датировка этих росписей, как уже отмечалось, вызывает большие сомнения.

По мнению исследователя, орнаментальная композиция гробницы воспроизводит предание о поездке в загробный мир, известное по эпосу «Нарты». За «мнимым пасторальным сюжетом» скрывается «индоиранская сцена из важного аланского предания, иллюстрирующего путешествие Сослана в загробный мир и детали жизни в нём» [Яценко, 1995, с. 192]. Греческий художник воплотил это предание, отчасти основываясь на иконографии современных ему бо-спорских надгробий, которые и ранее включали элементы скифо-сарматских религиозных представлений.

Все эти рассуждения, на первый взгляд, выглядят вполне логичными, но композицию с изображением всадников и коней можно связать не только с нартскими сказаниями, но и с другими эпическими преданиями, рассказывающими о выезде героя. Рельефы средневекового аланского склепа на р. Кривой в Прикубанье, которые С.А. Яценко приводит в подтверждение своей точки зрения [Кузнецов, 1961, с. 106 – 113; Охонько, 1983], в общем, имеют небольшое сходство с росписями гробницы Анфестерия.

Заключение автора о том, что «сцена в юрте» не имеет прямого отношения к основной части композиции [Яценко, 1995, с. 190], вообще заставляет усомниться в правильности его концепции. По-моему, вполне очевидно, что всадники направляются к шатру и сидящей рядом с ним богине, так что шатёр занимает очень важное место в представленной здесь «истории». По всей видимости, с посещением этого необычного жилища так или иначе связан основной смысл путешествия героя. Оставить эту сцену без объяснения означает лишить смысла всю систему росписи склепа.

Для любого непредвзятого наблюдателя вполне понятно, что на изображениях, имеющихся в гробнице Анфестерия, представлено немало деталей, связанных с культурой сарматских степей. Прежде всего, это, конечно, шатёр, аналогии которому на других памятниках бо-спорской живописи отсутствуют. Этот шатёр вряд ли можно считать аланским, поскольку Аммиан Марцеллин, описывая быт аланов, отмечал, что они «живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям» (Аmm. Marc. XXXI. 2. 18). С.А. Яценко правильно указывает, что копьё, прислоненное к шатру, скорее всего, имело обрядовый смысл, поскольку у тюркских народов такое положение этого оружия около юрты являлось оберегом от злых духов [Яценко, 1995, с. 190]. Наконец, с нартским эпосом можно сопоставить изображение невысокого столика, представленное в росписи под шатром (рис. 2); в нартских сказаниях такой низкий круглый столик на трёх ножках, имевший явно культовое значение, называется *ана* [Нарты, 1974, с. 406]. Правда, в данном случае никак нельзя забывать, что в росписи склепа Анфестерия его изображение не является чем-то исключительным. Напротив, такие

столики в великом множестве можно видеть в расписных композициях других гробниц, а также на боспорских надгробьях; их связь с многовековой греческой традицией вряд ли можно оспаривать. Другое дело, что варвары, возможно, заимствовавшие этот атрибут у эллинов, стали признавать его своим, характерным для их культуры.

Несмотря на все обозначенные выше сомнения в правильности гипотезы С.А. Яценко о сармато-аланском сюжете в росписи склепа Анфестерия, следует признать, что он был прав в главном – эта сцена изображает путешествие героя по загробному царству. Что касается дополнительных деталей к её объяснению, то их следует искать не столько в нартском эпосе, сколько в изображениях, представленных на памятниках боспорского погребального искусства.

Семантика росписей склепа. Выше было сказано, что росписи были нанесены на трёх стенах склепа – северной, западной (главная сцена) и южной. Приглядимся к каждой из них более внимательно, начиная от входа в гробницу.

На северной стене, т.е. по двум сторонам от дверного проёма, как было сказано выше, изображены Гермес и некая женщина, являвшаяся, по мнению М.И.Ростовцева, женским коррелятом этого бога (рис. 2). Вполне очевидно при этом, что фигуры, находящиеся рядом со входом, должны символизировать вступление усопшего в царство мёртвых. Гермес, являвшийся проводником душ усопших (Психопомпом), в этом контексте абсолютно уместен. Показательно, что изображение этого божества можно видеть на колонне склепа Сорака [Бобровская и др., 2017, с. 114, ил. 2; с. 141, ил.41; с.214, ил. 176], вот только здесь в руке он держит, скорей, не кошель, а мёртвую птицу, головка которой беспомощно свисает [Виноградов, 2017а, с. 51; 2017б, с. 198, табл.150, 6]. Если эта деталь служит символом души усопшего в момент её вступления в загробное царство, то здесь можно видеть намёк на его будущее возрождение к вечной блаженной жизни [Виноградов, 2017а, с. 51; 2017б, с. 279].

Парное изображение – Гермес по соседству с нимфой Калипсо – можно видеть в знаменитом склепе Деметры [Ростовцев, 1913–14. Табл. LVI, 1; Зинько и др., 2009. С.60-61, рис. 8-9; Бобровская и др., 2017, с. 121, ил. 12; с. 124, ил. 17; 178, ил. 103; 181, ил. 110-111]. Естественно, возникает вопрос: почему в спутницы Психопомпу была выбрана именно Калипсо? По мнению М.И. Ростовцева, рядом с Гермесом всегда появлялся его хтонический женский коррелят, «женское божество, первоначально царица преисподней, низведённая развитием греческой религии на степень одной из многочисленных фигур, связанных с подземной царицей Персефоной» [Ростовцев, 1913–14, с. 225]. Есть все основания считать, что первоначально Калипсо, «покрывающая покрывалом смерти», была такой же царицей Аида [там же]. Не удивительно, что Одиссей, блуждая по краю ойкумены и заходя за её край, посетил её остров (Hom. *Od.* VII. 244–266). Удивление вызывает появление этого архаичного образа в боспорской декоративной росписи первых веков н.э.

В общем, есть основания считать, что на Боспоре существовало поверье, что у входа в загробное царство души усопших встречал Гермес вместе с неким женским божественным созданием.

На южной стене склепа, т.е. непосредственно перед входом, было изображено дерево и стоящие по сторонам от него два коня (рис. 3). Несмотря на странную (зелёную) масть левого животного, можно согласиться с С.А. Яценко, который видит здесь сцену у мирового древа [Яценко, 1995, с. 192]. Важнейший символ мироздания, конечно, должен быть обозначен сразу после входа в гробницу. Несколько смущает лишь лаконичность этой композиции. Художник, в принципе, имел возможность разукрасить южную стену и другими символическими изображениями, но не сделал; по этой причине система росписи склепа Анфестерия может показаться незавершённой.

Роспись западной стены (рис. 4) стала хрестоматийно известной, и о ней уже немало было сказано выше (Виноградов, 2022). В.Ф. Гайдукевич по-своему был прав, указывая, что эта композиция представляет собой сочетание сцен реальной жизни с символическими культовыми сценами. Он писал: «Сидящая в кресле в торжественной позе женщина – хорошо известное по боспорским надгробиям героизированное изображение образа покойницы, сливавшейся в религиозном воображении с образом богини подземного царства. Культовый же характер носит изображение стола с угощением – обычная составная часть сцен загробного пира» [Гайдукевич, 1949, с. 403]. Перечисление атрибутов, характерных для боспорских надгробных рельефов и росписей боспорских катакомб, можно продолжить – это подвешенный горит с луком, всадники, а также неосёдланные кони [Ростовцев, 1913–14, с. 176–180; Виноградов, 2021, с. 73]. Повторюсь, что единственный предмет, которому на них нет аналогий, – шатёр, поставленный на каркас из жердей.

В.Д. Блаватский высказал догадку, что фигурная композиция склепа Анфестерия представляет покойного не в его земной жизни, а в загробном, героизированном существовании [Блаватский, 1964, с. 173, прим. 33], и в этом он был в полной мере прав. В таком случае главную сцену композиции можно трактовать как выезд всадника-героя, устремляющегося к далёким пределам загробного мира в поисках встречи с Великой богиней, что запечатлено на огромном количестве боспорских надгробий [Савостина, 1992, с. 361; Ломтадзе, 2000, с. 65; Виноградов, 2021, с. 74]. Эти «далёкие пределы» для боспорян, скорее всего, ассоциировались со степными просторами и степной атрибутикой. По этой причине, как представляется, на росписи появился кочевнический шатёр.

Не исключено, что подобно композициям расписного саркофага 1900 г., последовательно раскрывающим важнейшие моменты посмертной судьбы боспорского художника [Виноградов, 2021], здесь мы имеем рассказ о завершающей фазе обозначенного выше путешествия. Движение явно развивается справа налево, т.е. так, как это происходит в погребальных церемониях или в спортивных состязаниях (даже современных), исторически восходящих к играм в честь усопших героев. В такой последовательности (начиная справа) логичней рассматривать и представленные на росписи фигуры.

Безбородого всадника, расположенного справа, обычно считают оруженосцем

главного персонажа, но, скорее всего, он и является здесь главным (очевидно, это сам Анфестерий). Герой с длинным копьём в правой руке облачён в кафтан голубого (небесного) цвета, на котором имеются светлые точки. Логично считать, что они обозначают нашитые на одежду золотые бляшки, т.е. всадник был облачён в сакральную одежду. Рядом с ним идёт запасной конь, ещё один следует в отдалении, но его изображение частично разрушено грабительским проходом. Все перечисленные детали имеют значение – путь был нелёгким, долгим (были нужны запасные кони) и опасным (необходимость иметь оружие).

Но кем же тогда является всадник, представленный перед Анфестерием и почти вплотную приблизившийся к богине? Он тоже не имеет бороды, и его одежда идентична одежде первого конника – кафтан голубого цвета, который, как можно считать, расшит золотыми бляшками. Левой рукой он удерживает поводья, а в правой держит кнут или жезл-прут, как это считает С.А. Яценко [Яценко, 1995, с. 189]. Как уже было сказано, скорее всего, это кнут, кнотовище которого прижато к рукояти.

Конники с кнутом в руках на боспорских надгробиях представлены не так часто. Тем не менее, их можно видеть на некоторых памятниках [КБН-атлас. №№ 313, 328, 491; Павличенко, 2010–2011, с. 110]. В композициях, на которых один всадник следует за другим, кнут представлен всего один раз, и он находится в руках первого персонажа [КБН-атлас. № 414 {нижний рельеф}], который выглядит как своего рода проводник.

Всем хорошо известно, что у всадников кнут является обычным орудием управления лошастью, но в его изображениях на надгробиях, как представляется, можно видеть дополнительную коннотацию. Она связана с тем, что кнут служит символом власти, с помощью которого господин может жестоко наказать своих подданных, и такая символика имеет давнюю историю. В качестве подтверждения достаточно напомнить рассказ Геродота о сражении скифов с потомками слепых рабов (Herod. IV. 3. 3–4). Соответственно, кнут в руках у всадника можно рассматривать как признак его власти, распространявшийся на загробный мир. Совсем не исключено, что такого всадника логично считать божеством, который, в частности, сопровождал к Великой богине достойных её героев. И хотя идея о боспорском конном боге может показаться фантастической, такой персонаж, на мой взгляд, органично вписывается в круг образов, связанных с представлениями боспорян о загробном царстве. О культе конного бога на Боспоре много лет назад обоснованно предполагал Ю.М.Десятчиков [Десятчиков, 1980], но его идеи, к сожалению, не нашли продолжения.

Выезд героя, представленный в росписи склепа Анфестерия, как можно полагать, успешно завершается – в сопровождении конного бога он приближается к богине, восседающей на троне рядом с шатром. Выше было сказано, что непосредственно под шатром представлена весьма важная по своему значению сцена. Здесь изображён столик на трёх ножках, на котором поставлены две чаши и кувшин. Слева от стола стоит слуга, в правой руке которого находится сосуд с высоким горлом. Все эти детали очень характерны для сцен загробной трапезы, представленных на боспорских надгробиях и в росписях склепов. Этот рисунок позволяет считать, что

если сцена загробного пира на композиции отсутствует, то намёк на неё всё-таки имеется. Встреча с богиней, однако, явно не ограничивалась только вкушением неземных яств.

Далее, как нетрудно понять, должен произойти священный брак. И.Ю. Шауб абсолютно правильно назвал такие встречи приобщением к Великой богине, рассматривая их как кульминацию загробных упований боспорской элиты [Шауб, 2013, с. 78–82; 2020, с. 110 сл.]. Представление о священном браке являлось существенной составляющей религиозной идеологии населения Северного Причерноморья, по крайней мере, со скифской эпохи [Раевский, 1977, с. 94–106; 2006, с. 122–135; Королькова, 2009, с. 24–25].

На росписи склепа Анфестерия это важнейшее событие, как нетрудно догадаться, происходит в шатре. Именно на такое понимание смысла всей композиции могут указывать два представленных здесь предмета – копьё, прислонённое к шатру, и горит с луком, повешенный на дерево. Последний из этих атрибутов по обоснованному предположению Д.А. Мачинского является символом священного брака между героем и богиней [Мачинский, 1978, с. 143–144]. Копьё, как справедливо полагают некоторые исследователи, тоже являлось сакральным символом [Яценко, 1995, с. 190; Скобелев, 2004б, с. 83]. Его изображения на произведениях торевтики более раннего времени, происходящих из курганов Прикубанья, позволяют считать, что это оружие входило в круг воинских ритуалов, теснейшим образом связанных с почитанием Великой богини [Виноградов, 1993, с. 69–70]².

Схожая идея священного брака в несколько других образах выражена росписями склепа Сорака [Виноградов, 2017а] и саркофага 1900 г. [Виноградов, 2021], но они практически лишены «варварской» специфики, столь ярко выступающей в орнаментальной композиции данного памятника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса, 1848.
- Ашик А.Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850.
- Блаватский В.Д. Пантикапей.* Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
- Бобровская Е.В., Кукина Д.А., Лазаревская Н.А., Медведева М.В.* Иллюстративные документы XIX – первой половины XX в. по фиксации античной декоративной живописи Боспора из собрания Научного архива ИИМК РАН // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб: ИИМК РАН, «Лема», 2017. С. 66–110.
- Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–62.

² В связи с этим можно напомнить о фильме Никиты Михалкова «Урга – территория любви», хотя его главная идея не имеет отношения к символике собственно копья, но в чём-то схожего с ним предмета – урги.

- Васильева Г.П.* Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительного анализа конструктивных особенностей) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 20–49.
- Винников Я.Р.* Белуджи Туркменской ССР // СЭ. 1952. № 1. С. 85–103.
- Виноградов Ю.А.* О ритонах из кургана Карагодеуашх // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 66–71.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). БИ. 2012. Вып. XXVII.
- Виноградов Ю.А.* Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб, 2017а. С. 40–52.
- Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Боспорские исследования. Supplementum 17. Симферополь-Керчь, 2017б.
- Виноградов Ю.А.* Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи // БИ. 2021. Вып. XLII. С. 65–88.
- Виноградов Ю.А.* К интерпретации росписей склепа Анфестерия // Боспорские чтения XXIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Са-кральное и материальное. Керчь: ООО «Соло Рич», 2022. С. 35–43.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Гафферберг Э.Г.* Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. // СЭ. 1960. № 1. С. 112–125.
- Гафферберг Э.Г.* Гедан – кочевое жилище белуджей. IV Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М.: Наука, 1964.
- Гафферберг Э.Г.* Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л.: Наука, 1969.
- Десятчиков Ю.М.* О культе бога-всадника на Боспоре // Идеологические представления древних обществ. Тезисы докладов. М.: Наука: Отделение истории АН СССР, 1980. С. 115–116.
- Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 248–285.
- Жиль Ф.* Керчь и Таманский полуостров // ИРАО. 1861. Т. 2. С. 53–56.
- Засецкая И.П.* Сарматы в Северном Причерноморье // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб; Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 4–14.
- Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О.* Склеп Деметры. Киев: Мистецтво, 2009.
- Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во УССР, 1961.
- Кобылина М.М.* Живопись // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 214–216.
- Королькова Е.Ф.* Великая богиня, божественный всадник и загадочные энarei: попытки интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб: Факультет филологии и искусств, 2009. С. 11–28.
- Крюков М.В., Курылёв В.П.* К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н.э. – XIII в. н.э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 10–19.
- Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 106–117.

- Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. Ещё раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Изд-во «Дониш», 1987. С. 243–250.
- Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками. МАР. 1896. № 19.
- Ломтадзе Н.М. К семантике изображений на надгробных рельефах фиаситов боспорских полисов // Античность: эпоха и люди. Казань. Изд-во Казанского университета, 2000. С. 62–68.
- Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее Средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.
- Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974.
- Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 7–49.
- Охонько Н.А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // СА. 1983. №2. С. 78–91.
- Павличенко Н.А. Неопубликованный боспорский рельеф с изображением всадника // Nurboreus. 2010–2011. Vol. 16–17. С. 405–410.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. М.: Наука, 1977
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Ростовцев М.И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А.А. Бобринскому. СПб: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 119–154.
- Ростовцев М.И. Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 1912. Июнь. С. 101–120.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб: Императорская археологическая комиссия, 1913–1914.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925.
- Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкин. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Нестор-История, 2010.
- Скобелев Д.А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // Para Bellum. 2004а. № 3. С. 87–106.
- Скобелев Д.А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий (Ч. 2) // Para Bellum. 2004б. № 4. С. 77–102.
- Спаский Г.И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская типография, 1846.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб: Министерство путей сообщения, 1898а.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб: Министерство путей сообщения, 1898б.
- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017.
- Шауб И.Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб: Нестор-История, 2013. С. 78–82.

- Шауб И.Ю. Смерть и возрождение. Загробный мир боспорян. СПб: Евразия, 2020.
- Шкорпил В. Отчёт о раскопках в Керчи в 1908 г. // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 62–91.
- Шкорпил В. Из архива Керченского музея. VI. Пять расписных склепов на северном склоне Митридатовой горы // ИТУАК. 1912. № 47. С. 66–74.
- Штайн Л. В чёрных шатрах бедуинов. М.: Восточная литература, 1981.
- Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в Пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.
- Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. T. 5. Paris, 1843.
- Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie, 1971.
- Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge: University Press, 1913.
- Rostowzew M. Iranism and Ionism in South Russia. СПб: Типография Главного управления уделов, 1913.
- Turner T.J. The Frontier in American History. New York: H.Holt and Company, 1921.

REFERENCES

- Ashik A.B. *Vosporskoye tsarstvo s yego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamyatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami*. Vol. 1. Odessa, 1848.
- Ashik A.B. *Chasy dosuga s prisovokupleniyem pisem o kerchenskikh drevnostyakh*. Odessa, 1850.
- Blavatskiy V.D. *Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora*. Moscow, 1964.
- Bobrovskaya E.V., Kukina D.A., Lazarevskaya N.A., Medvedeva M.V. *Ilyustrativnyye dokumenty XIX – pervoy poloviny XX v. po fiksatsii antichnoy dekorativnoy Bospora iz sobraniya Nauchnogo arkhiva IIMK RAN. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii. Trudy IIMK RAN*. T. LI. St. Petersburg, 2017, pp. 66–110.
- Desyatchikov Yu.M. O kul'te boga-vsadnika na Bospore. *Ideologicheskkiye predstavleniya drevnikh obshchestv. Tezisy dokladov*. Moscow, 1980, pp. 115–116.
- Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée*. T. 5, Paris, 1843.
- Ernshtedt Ye.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi). *Anyichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya, t. I*. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 248–285.
- Fedoseyev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriyskom: 200 let issledovaniy*. Simferopol', 2017.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin, 1971.
- Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo*. Moscow; Leningrad, 1949.
- Gafferberg E.G. Poyezdka k beludzham Turkmenii v 1958 g. *Sovetskaya etnografiya*, 1960, no.1, pp. 112–125.
- Gafferberg E.G. *Gedan – kochevoye zhilishche beludzhey. IV Mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964 g.)*. Moscow, 1964.
- Gafferberg E.G. *Beluzhi Turkmenskoy SSR. Ocherki khozyaystva, material'noy kul'tury i byta*. Leningrad, 1969.
- Desyatchikov Yu.M. O kul'te boga-vsadnika na Bospore. *Ideologicheskkiye predstavleniya drevnikh obshchestv. Tezisy dokladov*. Moscow, 1980, pp. 115–116.
- Kobylyina M.M. *Zhivopis'. Arkheologiya SSSR. Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984, pp. 214–216.

- Korol'kova Ye.F. Velikaya boginya, bozhestvennyy vsadnik i zagadochnyye enarei: popytki interpretatsii. *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunayem*. St. Petersburg, 2009, pp.11–29.
- Kryukov M.V., Kurylev V.P. K ranney istorii yurty (po kitayskim istochnikam III v. do n.e. – XIIIv. n.e.). *Kochevoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Moscow, 2000, pp. 10–19.
- Kuznetsov V.A. Srednevekovyye dol'menoobraznyye sklepy verkhnego Prikuban'ya. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1961, t. 85, pp. 106–117.
- Kuz'mina E.E., Livshits V.A. Yeshche raz o proiskhozhdenii yurty. *Proshloye Sredney Azii*. Dushanbe, 1987, pp. 243–250.
- Kulakovskiy Yu. *Dve kerchenskiye katakomby s freskami. Materialy po arkheologii Rossii*, 1896, t. 19.
- Lomtadze N.M. K semantike izobrazheniy na nadgrobnnykh rel'yefakh fiasitov bosporskikh polisov. *Antichnost': epokha i lyudi*. Kazan', 2000, pp. 62–68.
- Machinskiy D.A. Pektoral' iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii. *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i ranneye Srednevekov'ye*. Leningrad, 1978, pp. 131–150.
- Minns E.H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913.
- Narty. Adygskiy geroicheskiy epos. Moscow, 1974.
- Nechayeva L.G. O zhilishche kochevnikov yuga Vostochnoy Evropy v zheleznom veke (I tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.). *Drevneye zhilishche narodov Vostochnoy Evropy*. Moscow, 1975, pp. 7–49.
- Okhon'ko N.A. Izobrazheniya na stenakh grobnitsy s reki Krivoy (Prikuban'ye). *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 2, pp. 78–91.
- Pavlichenko N.A. Neopublikovannyy bosporskiy rel'yef s izobrazheniyem vsadnika. *Hyperboreus*, 2010–2011, vol. 16–17, pp. 405–410.
- Rayevskiy D.S. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moscow, 1977.
- Rayevskiy D.S. *Mir skifskoy kul'tury*. Moscow, 2006.
- Rostovtsev M.I. Rospis' kerchenskoj grobnitsy, otkrytoy v 1891 g. *PROEDRŌI DŌRON. Sbornik arkheologicheskikh statey, podnesennykh grafu A.A. Bobrinskomu*. St. Petersburg, 1911, pp. 119–154.
- Rostovtsev M.I. Bosporskoye tsarstvo i yuzhno-russkiye kurgany. *Vestnik Evropy*, 1912, Iyun', pp. 101–120.
- Rostowzew M. *Iranism and Ionism in South Russia*. St. Petersburg, 1913.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii*. St. Petersburg, 1913–1914.
- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor*. Leningrad, 1925.
- Savostina Ye.A. Mnogoyarusnyye stely Bospora: semantika i struktura. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya izobrazitel'nykh isskustv im. A.S. Pushkin*, 1992, Vol. 10, pp. 357–386.
- Shaub I.Yu. Priobshcheniye k Velikoy bogine kak kul'minatsiya zagrobnnykh upovaniy bosporskoj elity: kul'turno-istoricheskiye paralleli. *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na Yevraziyskom perekrestke*. St. Petersburg, pp. 78–82.
- Shaub I.Yu. *Smert' i vozrozhdeniye. Zagrobnny mir bosporyan*. St. Petersburg, 2020.
- Shkorpil V. Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1908 g. *Izvestiya Imperatorskoj arkheologicheskoy komissii*, 1911, vol. 40, pp. 62–91.
- Shkorpil V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeya. VI. Pyat' raspisnykh sklepov na severnom sklone Mitridatovoy gory. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1912, vol. 47, pp.66–74.

- Shtayn L. *V chernykh shatrakh beduinov*. Moscow, 1981.
- Simonenko A.V. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya*. St. Petersburg, 2010.
- Skobelev D.A. Ikonografiya kak istochnik po izucheniyu razmerov sarmatskikh kopiy. *Para Bellum*, 2004a, no. 3, pp. 87–106.
- Skobelev D.A. Ikonografiya kak istochnik po izucheniyu razmerov sarmat•skikh kopiy (Ch. 2). *Para Bellum*, 2004b, no. 4, pp. 77–102.
- Spasskiy G.I. *Bosfor Kimmeriyskiy s yego drevnostyami i dostopamyatnostyami*. Moscow, 1846.
- Toynbi A.D. *Postizheniye istorii*. Moscow, 1991.
- Tolstoy I., Kondakov N. *Russkiye drevnosti v pamyatnikakh iskusstva*. Vol. I. Klassicheskiye drevnosti Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg, 1898a.
- Tolstoy I., Kondakov N. *Russkiye drevnosti v pamyatnikakh iskusstva*. Vol. II. Drevnosti skifo-sarmatskiye. St. Petersburg, 1898b.
- Turner T.J. *The Frontier in American History*. New York, 1921.
- Vaynshteyn S.I. Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Yevrazii. *Sovetskaya etnografiya*, 1976, no. 4, pp. 42–62.
- Vasil'yeva G.P. Yurta – perenosnoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana (opyt sravnitel'nogo analiza konstruktivnykh osobennostey). *Kochevoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Moscow, 2000, pp. 20–49.
- Vinnikov Ya.R. Beludzhi Turkmenskoy SSR. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 1, pp. 85–103.
- Vinogradov Yu.A. O ritonakh iz kurgana Karagodeuashkh. *Skify, sarmaty, slavyane, Rus'*. *Peterburgskiy arkhelogicheskiy vestnik*, 1993, no. 6, pp. 66–71.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859–1917)*. *Bosporskie issledovaniya*, 2012, t. XXVII.
- Vinogradov Yu.A. Sklep Soraka. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii*. *Trudy IIMK RAN*, t. LI, St. Petersburg, 2017a, pp. 40–52.
- Vinogradov Yu.A. *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN)*. *Bosporskiye issledovaniya. Supplementum 17*. Simferopol' – Kerch', 2017b.
- Vinogradov Yu.A. Raspisnoy sarkofag 1900 g. iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*, 2021, t. XLII, pp. 65–88.
- Vinogradov Yu.A. K interpretatsii rospisey sklepa Anfesteriya. *Bosporskiye chteniya XXIII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noye i material'noye*. Kerch', 2022, pp. 35–43.
- Yatsenko S.A. O sarmato-alanskom syuzhete rospisi v Pantikapeyskom «sklepe Anfesteriya» // *Vestnik drevney istorii*, 1995, no. 3, pp. 188–194.
- Zasetskaya I.P. *Sarmaty v Severnom Prichernomor'ye. Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 2008, pp. 4–14.
- Zhil' F. Kerch' i Tamanskiy poluostrv. *Izvestiya Rossiyskogo arkheologicheskogo obschestva*, 1861, t. 2, pp. 53–56.
- Zin'ko Ye.A., Buyskikh A.V., Rusyaeva A.S., Savostina Ye.A., Strilenko Yu.N., Yaggi O. *Sklep Demetry*. Kiev, 2009.

Резюме

Склеп Анфестерия был открыт в Керчи в 1877 г. Хрестоматийно известна роспись его западной стены, на которой изображены два всадника, приближающиеся к сидящей женщине.

Левее от неё расположен шатёр. Первые публикаторы росписей считали, что на этой картине изображена жизнь боспорского аристократа в степи. Такую трактовку сейчас нельзя считать убедительной. Все представленные здесь композиции связаны с посмертной судьбой героя (Анфестерия). На северной стене рядом со входом изображены Гермес и женская фигура. Эти два персонажа символизируют вход в потусторонний мир. На южной стене находится изображение дерева жизни, по сторонам от которого стоят две лошади. Композиция западной стены представляет путь героя (всадник с копьём) к Великой богине в сопровождении конного бога (персонаж с кнутом в руке). Шатёр, внутри которого видны две сидящие фигуры, вероятнее всего, символизирует встречу героя с богиней, их священный брак.

Ключевые слова: Боспорское царство, расписные склепы, героизация, изображения всадников, Великая богиня.

Summary

The crypt of Anthesterius was found in Kerch in 1877. The painting of its western wall, which depicts two horsemen approaching a seated woman, is well known in modern scientific literature. To the left of this woman is a tent. The first publishers of the paintings believed that this composition depicted the life of a Bosporan aristocrat in the steppe. Such an interpretation cannot be considered convincing now. All pictures presented here are connected with the posthumous fate of the hero (Anthesterius). On the northern wall near the entrance, Hermes and a female figure are depicted. These two characters symbolize the entrance to the other world. On the southern wall there is an image of a tree of life, on the sides of which there are two horses. The composition of the western wall represents the path of the hero (a horseman with a spear) to the Great Goddess, accompanied by an Equestrian god (a horseman with a whip in his hand). The tent, inside of which two sitting figures are visible, most likely symbolizes the meeting of the hero with the goddess, their sacred marriage.

Key words: the Bosphorus kingdom, painted crypts, glorification, depictions of horsemen, Great Goddess.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
Истории материальной культуры РАН
(С-Петербург).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St.- Petersburg).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

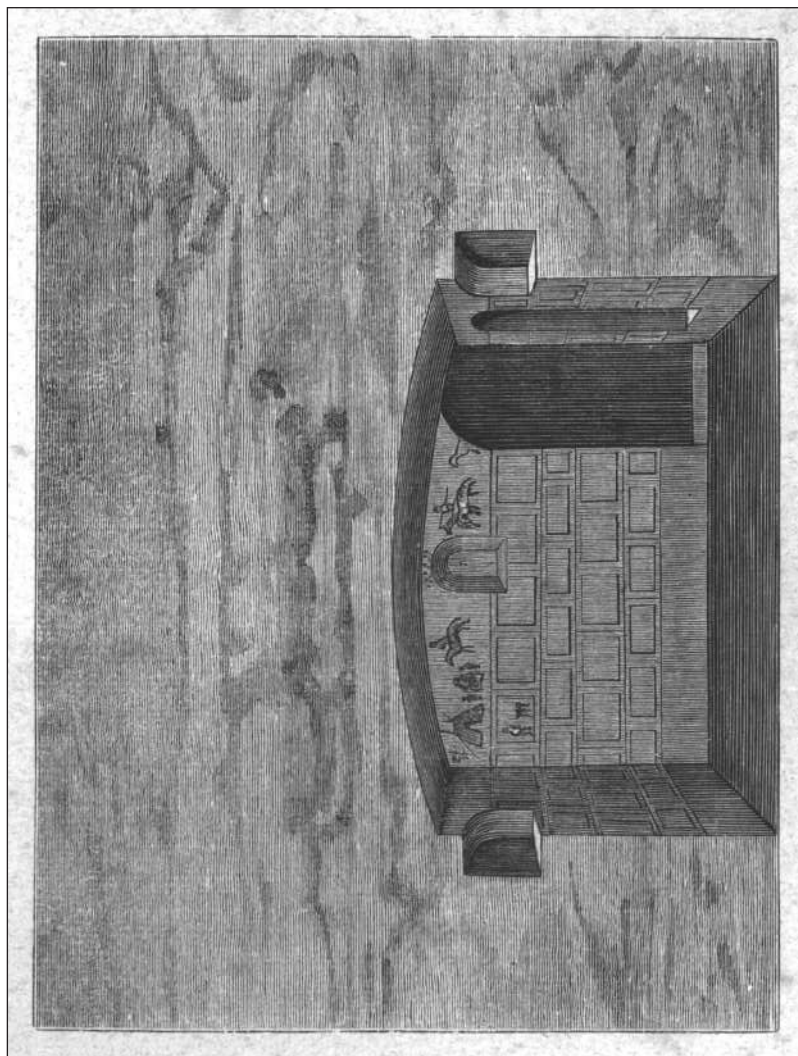

Рис. 1. Склеп Анфестерия (по ОАК за 1877 г.)

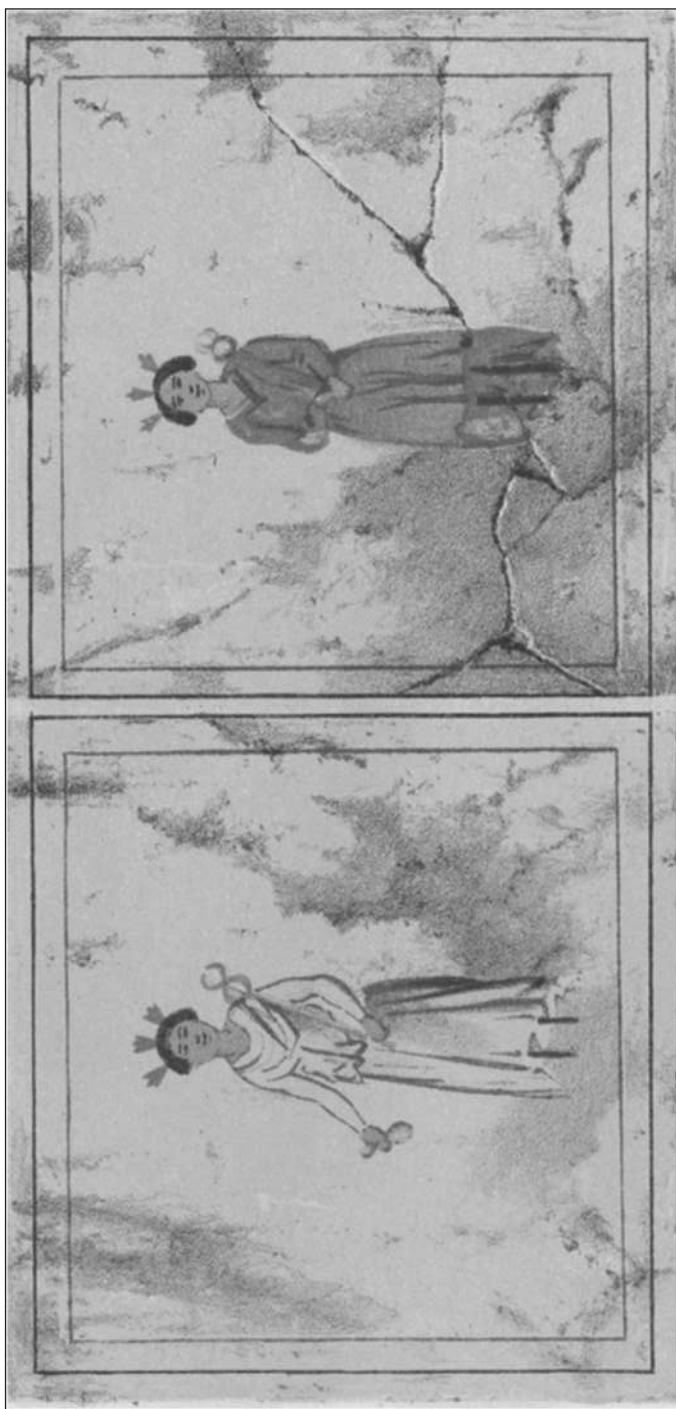

Рис. 2. Роспись на северной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)

Рис. 3. Роспись на южной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)

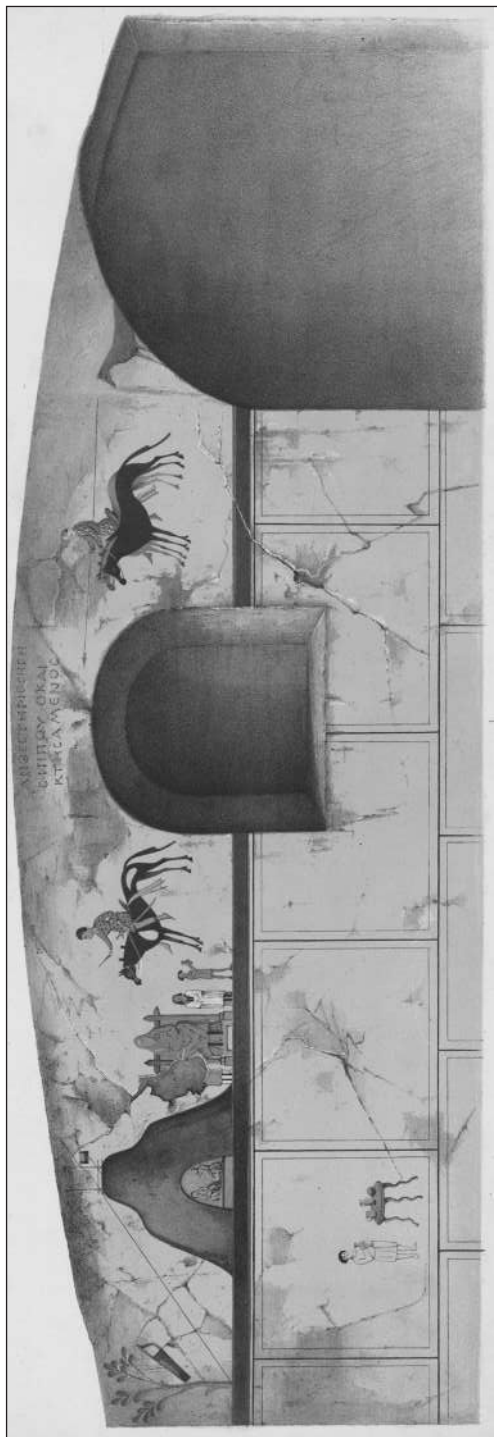

Рис. 4. Роспись на западной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)